

БЕСЪДА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ возникшемъ, по поводу экзаменовъ дочери Сократа, разговоръ со мною и Камановымъ о задачахъ, средствахъ и методахъ средняго образования, Сократъ защищаетъ положеніе, что окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ философіи. Затѣмъ, по пріѣздѣ въ Царское, у Сократа начался разговоръ съ Карамазовой и Серебряковой о вещахъ нашего, такъ называемаго, чувственнаго восприятія. Этотъ вопросъ тотчасъ-же привелъ ихъ снова къ понятію бытія, при чёмъ Сократъ доказывалъ, что это понятіе возникаетъ не изъ чувственнаго восприятія, а потому и не принадлежитъ естественнымъ наукамъ: оно вполнило интеллектуальное и метафизическое. При этомъ онъ различаетъ постоянно смѣшиаемыя понятія бытія и познанія и далъе указываетъ на необходимость бороться съ языкомъ, который ведетъ къ мысли, что бытіе или существованіе можно видѣть или вообще познать путемъ чувствъ. Отсюда прямо вытекаетъ слѣдствіе, что свойства вещей, повидимому, данные въ чувственномъ восприятіи, вовсе имъ не принадлежатъ, а только приписываются нами. Въ концѣ-концовъ Сократъ подводитъ такой итогъ цѣлому разговору, что непосредственно мы сознаемъ только свое существованіе и свои дѣятельности, о чужомъ же существованіи и функцияхъ мы знаемъ только по аналогіи съ собою, т. е., на основаніи вывода. Затѣмъ когда Иванъ Карамазовъ поднялъ вопросъ о, такъ называемыхъ (по Локку), первичныхъ и вторичныхъ качествахъ вещей, то Сократъ полагалъ, что какъ тѣ, такъ и другія составляютъ одинаково нашу принадлежность. Итакъ, заключаетъ Сократъ, во-первыхъ, нельзѧ допустить

предположенія, чтобы сами вещи какъ-либо переходили въ насъ; во-вторыхъ, чтобы онъ переходили въ насъ, въ видѣ оттисковъ, ко-торые какъ-либо были бы сходны съ вещами. Значитъ, если мы отрицаемъ у вещей цветъ, звуки, запахи и проч., то совершенно точно такъ же импелъ право отрицать у нихъ и протяженность, непроницаемость и проч. такъ называемыя первичныя качества. Наконецъ, если бы даже вещи и на самомъ дѣлѣ были протяжен-ными, непроницаемыми и проч., то въ восприятіи они не могли бы казаться таковыми.

Когда я на другой день за утреннимъ чаемъ обдумывалъ, куда мнѣ идти и что дѣлать до обѣда у Карамазовыхъ, то ко мнѣ неожиданно вошелъ Калгановъ и узнавши, что я свободенъ отъ какого-либо спѣшнаго дѣла, сталъ уговаривать меня сейчасъ же съ утра отправиться къ Карамазовымъ, предполагая, что на вокзалѣ мы, всего вѣроятнѣе, столкнемся съ Сократомъ и проведемъ пріятно время дорогою. Я согласился; и мы поѣхали на вокзалъ, гдѣ дѣй-ствительно встрѣтили Сократа, тоже отправлявшагося вмѣстѣ съ до-черью въ Царское.

Когда мы сѣли въ вагонъ, то барышня рассказывала намъ о ходѣ своихъ экзаменовъ, что и подало поводъ къ бесѣдѣ, въ кото-рой Сократъ критически оцѣнивалъ постоянно поднимающіеся въ на-шей литературѣ споры о полезности или безполезности экзаменовъ, о такъ называемомъ переутомленіи, о количествѣ времени, употребляе-момъ на изученіе наукъ, преподаваемыхъ въ средне-учебныхъ заведе-ніяхъ, наконецъ, о наукахъ, которыхъ должны лечь въ основу образо-ванія;—вообще о задачахъ, цѣляхъ и методахъ первоначального и особенно средняго образованія и т. п. Сократъ поддерживалъ ту мысль, что всѣ эти споры ни къ какому окончательному и удовле-творительному решенію привести не могутъ, потому что у спорящихъ нѣтъ общей почвы, на которой бы они могли сойтись и примирить различные интересы и точки зрѣнія, съ которыхъ въ своихъ спорахъ смотрятъ на дѣло этого образованія.

Одни, напр., имъютъ въ виду болѣе всего интересы родителей, которые обыкновенно желають, чтобы воспитаніе и образованіе достались ихъ дѣтямъ съ возможно меньшимъ напряженіемъ и возможно большимъ сбереженіемъ ихъ силъ для наслажденія жизнью; другие же, игнорируя интересы и чувства родителей, видятъ въ учащихся нѣчто въ родѣ машинъ, долженствующихъ производить со временемъ возможно большія количества работы; третыи главнымъ образомъ заботятся объ интересахъ учителей и воспитателей; четвертые смотрятъ на дѣло народнаго и общественнаго образованія съ точки зрѣнія цѣлей государства и правительства и т. д. Такъ какъ въ этихъ спорахъ обыкновенно принимаютъ участіе журналисты и публицисты различныхъ литературныхъ органовъ, то къ приведеннымъ сейчасъ различіямъ мнѣній присоединяются еще другія различія, основанныя на традиціяхъ литературныхъ партій: консервативной и либеральной, съ ихъ оттѣнками. Отсюда въ литературѣ по вопросу объ общественномъ воспитаніи и образованіи царствуетъ хаотическое столкновеніе мнѣній, которыя, по Сократу, если и могли бы быть какъ—либо соглашены, то только съ точки зрѣнія философіи, которая тѣмъ не менѣе или прямо отвергается спорящими, или же игнорируется, какъ нѣчто безполезное и къ дѣлу не идущее. Только философія, думаетъ онъ, могла бы дать прочные критеріи и твердая основанія для системы воспитанія и образованія человѣка, какъ члена цѣлаго міра, человѣчества, гражданскаго общества, народа, семьи и т. п. Только съ точки зрѣнія этой іерархической координаціи его функцій могли бы быть примирены и законно удовлетворены и высшія вѣчныя цѣли общественной жизни и низшія, или разнообразная модификація первыхъ, сообразно съ тѣмъ или другимъ историческимъ временемъ и ступенями развитія какъ отдельныхъ лицъ, такъ и цѣлаго народа. Правда, эта философская точка зреинія *implicite* предполагается и въ существующихъ спорахъ, но такъ смутно и не ясно, что *de facto* вовсе не принимается въ соображеніе учащими въ спорахъ, которые оттого неизбѣжно носятъ характеръ отголоска чисто-

субъективныхъ и случайныхъ мнѣній, не ведущихъ къ общепризнанному и плодотворному результату.

На эти мысли мы съ Калгановыемъ возражали Сократу, что, такъ какъ философія существуетъ въ разныхъ направленіяхъ и системахъ, то и она не только не оправдаетъ надежды Сократа на прекращеніе разногласія, а, пожалуй, еще болѣе усложнить и запутаетъ спорный вопросъ. На это Сократъ отвѣчалъ намъ слѣдующими словами:

„Если бы даже и признать за вашими возраженіями ту силу, которую вы за ними предполагаете, т. е., что философія не можетъ служить посредникою инстанціею для разрѣшенія споровъ о цѣляхъ и методахъ образованія, то все-таки пришлось бы обратиться къ ней же, потому что въ области науки обѣ обществъ *всякій важныи вопросъ*, въ концѣ концовъ, приведетъ къ рѣшенію его съ философской точки зрењія. Наука обѣ обществъ относится къ философіи вовсе не такъ, какъ другія частныя науки, напр., физика, химія и пр., т. е., что она можетъ быть изучаема въ значительной мѣрѣ независимо отъ какой-либо философской системы на основаніи отчасти данныхъ какой-либо другой частной науки, а отчасти же путемъ индуктивныхъ обобщеній изъ опыта, какъ это принято въ позитивистической соціологии. Напротивъ, наука обѣ обществъ или, пожалуй, соціологія (дѣло, вѣдь, не въ имени) всецѣло входитъ въ кругъ философскихъ дисциплинъ: теоріи познанія, метафизики и проч. Она, именно, прямо примыкаетъ къ метафизикѣ, которая вообще трактуетъ о природѣ, отношеніяхъ и координаціи реальныхъ существъ въ общеміровомъ бытіи. Наука же обѣ обществъ трактуетъ специально о людяхъ, ихъ жизни, дѣятельности и развитіи въ связи и соотношеніи другъ съ другомъ, а также и съ жизнью и дѣятельностью всѣхъ другихъ существъ, входящихъ въ міръ. Безъ философско-teleологическихъ основаній невозможны ни существованіе соціологіи, ни разрѣшеніе важнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, а между ними и вопроса обѣ общественномъ воспитаніи и образованіи. Но если этотъ вопросъ неизбѣжно приводить къ философской точкѣ зрењія, то чѣмъ скорѣе его

рѣшеніе вмѣсто случайныхъ частныхъ соображеній отдѣльныхъ лицъ или даже цѣлыхъ группъ перейдетъ къ философіи, тѣмъ лучше, потому что во всякомъ случаѣ выиграется время.

„Что же касается до того источника споровъ, который зависитъ отъ различія философскихъ направленій, то значеніе его, по моему, обыкновенно преувеличивается вслѣдствіе поверхностнаго мнѣнія о кажущемся множествѣ философскихъ направленій. Всѣ философскія разногласія и различія въ направленіяхъ могутъ быть, при строгомъ ходѣ разсужденія, сведены къ *тремъ* существеннымъ различіямъ: *спиритуализму* или, по моему, лучше бы сказать, *панпсихизму*, (хотя и этотъ терминъ не вполнѣ удовлетворяетъ меня), *матеріализму*, и *позитивизму*, который, впрочемъ, очень рѣдко является въ чистомъ видѣ безъ примѣси матеріализма. Что касается до меня, то я усматриваю, что въ настоящее время матеріализмъ все болѣе и болѣе теряетъ свой кредитъ у его сознательныхъ приверженцевъ. Затѣмъ остается борьба между панпсихизмомъ и позитивизмомъ; но я имѣю надежду на побѣду первого; есть признаки, что и позитивизмъ перестаетъ удовлетворять даже наиболѣе вѣрныхъ его послѣдователей, т. е., представителей естественныхъ наукъ, которые, повинуясь потребностямъ разума и чувства, пробуютъ къ тому, что они считаютъ наукой, приладить обрывки различныхъ религіозныхъ вѣрованій, начиная отъ христіанскихъ и кончая спиритизмомъ.

„Я тѣмъ упорнѣе продолжаю стоять на требованіи разрѣшенія вопроса обѣ общественномъ образованіи на основаніи философіи, что споры, возникающіе изъ частныхъ и одностороннихъ соображеній неизбѣжно должны идти въ безконечность, потому что во всѣхъ этихъ соображеніяхъ есть всегда нѣкоторая доля справедливости, ради которой каждый будетъ считать за собою полное право во что-бы то ни стало отстаивать свое мнѣніе...“

На этихъ словахъ Сократа поѣздъ прибылъ въ Царское Село; и мы, выйдя изъ вагона, отправились пѣшкомъ на дачу Карамазовыхъ.

Придя на дачу, мы застали Катерину Ивановну съ Серебряковой

въ столовой сидящими за столомъ, съ котораго горничная убирала самоваръ и другія чайныя принадлежности. Поздоровавшись съ нами, Катерина Ивановна сказала, что ея мужъ съ братомъ и дѣтьми пошли пройтись по саду и вѣлѣла было снова приготовить чай для нась, но мы отказались, заявивъ, что пили его еще дома. Затѣмъ Сократъ, взглянувшись въ обѣихъ дамъ, замѣтилъ у нихъ слѣды нѣкотораго возбужденія и обратился къ нимъ съ вопросомъ: „мнѣ кажется, что вы какъ будто, чѣмъ-то обеспокоены. Вотъ, я вижу, что Анна Михайловна розовѣе, чѣмъ обыкновенно, и, если не ошибаюсь, то порозовѣла она отъ какого-то раздраженія. (Осклабляясь). Не можете-ли вы удовлетворить мое любопытство на счетъ причины этого явленія?“

Карамазова. Да, вотъ, Анна Михайловна все спорила съ Алексѣемъ Федоровичемъ и какъ бы вы думали, изъ за чего стало дѣло? Все изъ за васъ! Анна Михайловна обвиняла васъ, что вы считаете всѣ эти вещи (указывая кругомъ рукою) нашими фантазіями, а Алексѣй Федоровичъ говорилъ, что это неправда, что, по вашему, они какъ-то существуютъ.

Сократъ (улыбаясь). Не знаю, вѣрно-ли вы передаете ихъ выраженія, употребленныя въ спорѣ? Но если вѣрно, то, по моему, они оба не совсѣмъ точно передаютъ мою мысль.

Серебрякова (съ увлечениемъ). Да развѣ вы не говорили постоянно, что этого материальнаго міра нѣть, что эти камни, деревья, животныя, люди, которыхъ мы видимъ вокругъ нась, суть только продукты нашей фантазіи.

Сократъ. Можетъ быть, иногда я и высказывался, точь въ точь, въ этихъ самыхъ словахъ, но всегда, однако, въ молчаливомъ предположеніи, что они понимаются *не отрывочно* и въ общепринятомъ смыслѣ, а *въ связи* съ другими положеніями, которыхъ я высказывалъ или одновременно съ этой фразой или же въ разное время. Понимаемыя безъ связи они будутъ ошибочны и заслуживаютъ обвиненія, которое противъ нихъ поднимаетъ Анна Михайловна;—въ связи

же они невинны и заслуживают одобрения, на которое я, однако, не разсчитываю, зная, какъ люди скучны на признаніе истинъ, пока онъ еще не признаны многими, т. е., пока онъ еще не *поистерлись* и не *повыдохлись*, т. е., потеряли свой первоначальный цвѣтъ и ароматъ.

Серебрякова (суроно). Ну! ужь вы начали свои *прибаутки*: будемъ разсуждать безъ нихъ. Объясните же теперь сами, что вы разумѣете подъ всѣми этими вещами: существуютъ онъ, или не существуютъ?

Сократъ. А что вы хотите сказать этимъ послѣднимъ вопросомъ?

Серебрякова. Сильно опасаюсь, что не то, что вы говорили, когда опредѣляли понятіе бытія *), и что я, признаюсь, тогда не совсѣмъ поняла. Текущий же мой вопросъ о существованіи этихъ вещей значить: были бы онъ тѣми же самыми, если бы вовсе не было бы ни васъ, ни меня, никого изъ людей, т. е., были бы онъ такими, какъ вы выражаетесь, сами по себѣ, нисколько не нуждаясь въ томъ, знать ихъ или не знать какой бы то ни было, человѣкъ или даже животное?

Сократъ (улыбаясь). Очень жаль, что, можетъ быть, и по моей винѣ, но вы тогда не поняли моихъ объясненій понятія бытія, потому что въ противномъ случаѣ вы не дѣлали бы сейчасъ ошибки, состоящей въ томъ, что на вопросъ о томъ, что значитъ: быть, вы въ отвѣтъ сейчасъ употребляли слова: „существовали, были, были бы, не были бы“, тогда какъ нужно сначала опредѣлить, что значитъ эти слова! Ну, да, впрочемъ, поднимать опять прежнее разсужденіе теперь нѣтъ ни времени, ни охоты, а потому я пока удовлетворяюсь вашимъ текущимъ объясненіемъ въ надеждѣ, что мы и изъ него выберемся на настоящую дорогу. Итакъ, что значитъ, что „всѣ эти вещи были бы такими же, если бы никого не было бы: ни людей, ни животныхъ?“ Что значитъ, напр., „что это дерево (указывая въ окно) было бы такимъ же?“

*) См. „Свое Слово“, № 2-й, Бесѣда V-я.

Прим. редакц.

Серебрякова. Это значить, что оно было бы зеленымъ...

Сократъ. Т. е., когда бы его никто не видѣлъ. Мнѣ кажется, что такая вещь, какъ зеленый цвѣтъ существуетъ только для зрячихъ, для видящихъ, людей, или же животныхъ.

Серебрякова (сердито). Ну, вотъ! опять начались придишки! Хорошо! я согласна: цвѣтовъ, самихъ по себѣ не существуетъ, но все-таки дерево существовало бы и бѣзъ зрячихъ: былъ бы стволъ и вѣтки съ листьями, онѣ качались бы, шелестѣли отъ вѣтра.

Сократъ. Даже и *шелестѣли бы*, хотя бы, никого не было бы, кто слышалъ бы этотъ шелестъ. Стволъ былъ бы гладкій или шероховатый, хотя бы никого не было, кто его могъ бы осязать. Тотъ-же стволъ былъ бы круглый, вѣтки выходили бы изъ ствола подъ угломъ, хотя бы никого не было, кто понималъ бы и то, и другое. Такъ, что-ли? Кстати, такъ какъ вы уже взяли назадъ цвѣтъ листьевъ, то, значитъ, нужно, чтобы не только листья, но и кора вѣтокъ, ствода и проч. была бы никакого цвѣта...

Серебрякова (совсѣмъ разсердившись). Значить, по вашему ничего не стоять... да и не нужно наукъ и ученыхъ; а я, слава Богу, признаю и науки, и ученыхъ, которые говорятъ намъ...

Сократъ (мягко и заискивающимъ тономъ). Не сердитесь же Анна Михайловна! я, вѣдь, и самъ чту науки и преклоняюсь передъ учеными. Но, вѣдь, вы едва-ли можете назвать мнѣ науку или ученыхъ, которые бы думали и утверждали, что вещь можно считать цвѣтною безъ существъ, которая бы ее видѣли или безъ предположенія, что ее могли бы видѣть какія либо зрячія существа. Точно то же разсужденіе можно сдѣлать относительно гладкости и шероховатости, круглоты вещи (въ нашемъ примѣрѣ дерева), подвижности и неподвижности, напр., вѣтвей. Словомъ, нѣтъ и не можетъ быть ученыхъ, которые бы допустили, разумѣется, одумавшись надлежащимъ образомъ, чтобы можно было заняться о чёмъ либо существовавшемъ, существующемъ или имѣющемъ существовать въ этомъ окружающемъ насъ мірѣ безъ предположенія существъ видящихъ, слышащихъ, чув-

ствующихъ и т. д. и главное безъ предположенія, подобныхъ намъ, мыслящихъ существъ. Значить, первоначальное ваше утвержденіе, что эти окружающія насъ вещи *существуютъ сами по себѣ*, независимо отъ другихъ, оказывается несостоятельнымъ, значитъ, эти вещи существуютъ не сами по себѣ, а для насъ, въ нашемъ представлениі, въ нашихъ предположеніяхъ, безъ которыхъ ихъ существованіе равно ничто.

Серебрякова (съ тѣмъ же раздраженіемъ). Но, вѣдь, ученые говорятъ же, что когда-то была только матерія въ атомахъ и молекулахъ безъ всякихъ существъ видящихъ, слышащихъ, осязающихъ и проч.

Сократъ (улыбаясь). Вѣрно! для матеріи въ атомахъ не нужно существъ видящихъ, осязающихъ, но нельзя обойтись безъ мыслящихъ, вотъ эти-то ученые и мыслить *теперь*, что *когда-то* существовала только матерія въ невидимыхъ, неслышимыхъ и проч. атомахъ. Впрочемъ, я не могу признать ихъ мысль правильною, потому что въ ней тихомолкомъ признается реальность матеріи и времени, чего я не могу допустить...

При этихъ словахъ Сократа въ комнату вошли братья Карамазовы. Когда они поздоровались съ нами, то Иванъ Федоровичъ спросилъ у Катерины Ивановны: Что это? уже не началь-ли ратоборствовать Сократъ Ивановичъ?

Катерина Ивановна. Да! они съ Анной Михайловной заспорили опять о томъ же, о чёмъ она сейчасъ спорила съ Алексѣемъ Федоровичемъ.

Карамазовъ Алексѣй. А! это мнѣ интересно! Такъ и мы прислушаемся! Пожалуйста, продолжайте.

Катерина Ивановна (неожиданно обращаясь къ Сократу). А я вотъ что подумала при вашихъ послѣднихъ словахъ: вѣдь, можно же, чтобы что нибудь существовало, а не было никого, кому было бы известно, что оно существуетъ и что оно такое.

Сократъ. Ну, на это я скажу, что нѣчто, которое, по своей при-

родѣ, оставалось бы для нась совершенно не сознаваемымъ, а потому и не могло бы быть предметомъ познанія, стало бы для нась уже *не ничто, а просто ничто*, отъ которого такое нѣчто ровно ничѣмъ не отличалось бы. Вообще же, всякий, кто думаетъ или говоритъ, или спрашиваетъ о существованіи чего-нибудь, все-таки уже чтонибудь имѣеть въ виду касательно существованія, о которомъ думаетъ или спрашиваетъ. Словомъ, у него уже есть какой-либо *образчикъ* существованія. У человѣка, по моему, таковой образчикъ имѣется въ *немъ самомъ*, такъ что ему *никого* и *ничего* другого не нужно для знакомства съ бытіемъ или существованіемъ.

Серебрякова. Какъ не нужно? По самому себѣ, вѣдь, человѣкъ не можетъ знать даже о существованіи своихъ родителей, отъ которыхъ произошелъ, и вообще людей, которые помогали ему существовать.

Сократъ. Вѣрно! Но этимъ вы только говорите, что по себѣ человѣкъ не можетъ непосредственно знать о *причинахъ* и различныхъ *родахъ* и *видахъ* существованія; но что такое существовать, онъ можетъ узнать по самому себѣ и *даже только* по самому себѣ! Все, что нужно для признанія чьего бы то ни было существованія, есть у него самого; и всякий человѣкъ сознаетъ это прямо или непосредственно и уже на этомъ прямомъ *сознаніи* строитъ *знаніе* или *понятіе* о существованіи или бытіи вообще и прилагаетъ къ вопросу о бытіи всякихъ другихъ существъ.

„Это построение понятія бытія можетъ быть и *правильнымъ* въ случаѣ надлежащаго истолкованія данныхъ непосредственного сознанія, что зависитъ отъ приложенія къ нимъ для этого истолкованія надлежащихъ *категорій* или *точекъ зренія*, но оно-же можетъ быть и *неправильнымъ* въ случаѣ неполноты или неправильности такого истолкованія, происходящаго вслѣдствіе приложенія къ нему не подходящихъ точекъ зренія. Впрочемъ, понятіе бытія, построенное на *действительныхъ* данныхъ *сознанія*, никогда не можетъ быть *ошибочнымъ вполнѣ*, т. е., во всѣхъ своихъ элементахъ. Что же касается до животныхъ, по крайней мѣрѣ высшихъ, то хотя они и

имѣютъ сознаніе почти всѣхъ тѣхъ же элементовъ, изъ которыхъ строится человѣческое понятіе бытія, но они навсегда остаются только при этомъ сознаніи, не переходя къ понятію бытія, которое есть не просто сознаніе, а уже знаніе о бытіи въ строгомъ смыслѣ термина: знаніе. Это происходитъ отъ того, что они не могутъ мыслить, по отсутствію у нихъ категорій или точекъ зрења, съ которыхъ у людей совершаются акты мышленія. Кромѣ сейчасъ указанной причины неправильности у людей понятія бытія есть и другія, приводящія къ тому же результату, каковы, напр., вліяніе ложныхъ традицій, фігурального языка, темноты и неопределенности выраженій и т. п.

„Впрочемъ, распространяться обо всѣхъ этихъ причинахъ теперь не время; а потому я ограничусь только маленькою, но весьма важною прибавкою къ сказанному о различіи между сознаніемъ и понятіемъ бытія. *Сознаніе*, говоря строго, само по себѣ *несказанно*, т. е., не можетъ принять форму сужденія и, конечно, можетъ принадлежать и имѣть смыслъ только для того, кто самъ существуетъ, а потому оно неизбѣжно *индивидуально* или находится въ индивидуальномъ обладаніи каждого существа или субстанціи. *Понятіе* же бытія, подобно всѣмъ другимъ понятіямъ, можетъ быть *общимъ* и всегда имѣть тенденцію стать таковымъ и, слѣдовательно, формулироваться однообразно всѣми или многими, мыслящими его, существами. При этомъ все равно, будетъ-ли это общее понятіе по своему содержанію правильно или неправильно, такъ какъ известно изъ исторіи, что *общераспространенные ложныя понятія* вовсе не составляютъ рѣдкости, а, напротивъ, суть самое обычное явленіе.

„Впрочемъ, я, кажется, этимъ различіемъ *сознанія* и *понятія бытія* очень уклонился въ сторону отъ бесѣды, которую мы вели съ Анной Михайловной, а потому я и попрошу ее воротить меня назадъ путемъ какого-либо вопроса, возбуждаемаго въ ней моими мнѣніями.

Серебрякова. Я уже устала и потому отложу разъясненіе своихъ недоумѣній до другого времени.

Катерина Ивановна. Да, вотъ, уже и 12 часовъ. Пора накрывать на столъ къ завтраку!

Калгановъ. Покорнѣйше васъ пропу, Катерина Ивановна, подождать полчасика съ завтракомъ, если это возможно! Дѣло въ томъ, что я вчера, хотя и безъ вашего разрѣшенія, усердно звалъ къ вашему завтраку Красоткина и Поспѣлова, думая, что Сократъ Ивановичъ уже навѣрно съ утра начнетъ путать насъ своей философией; вотъ они и обѣщали прийти на помощь въ первомъ часу.

Катерина Ивановна. Ну что же? съ завтракомъ то мы подождемъ; накроемъ только на столъ, чтобы все было готово.

Карамазовъ Иванъ (обращаясь къ Сократу). Такъ какъ Анна Михайловна откладываетъ до другого времени разговоръ съ вами, то я желалъ бы попросить у васъ объясненій по поводу сейчасъ сказанного вами. мнѣ кажется...

Сократъ (перерывая его). Сейчасъ я буду къ вашимъ услугамъ, Иванъ Федоровичъ, позвольте только мнѣ подвести краткій итогъ нашему разговору съ Анной Михайловной. По моему, этотъ итогъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: *всѣ, окружавшія насъ вещи*, которые, по ея мнѣнію, существуютъ сами по себѣ, независимо отъ какихъ бы то ни было другихъ существъ, оказываются, напротивъ, вполнѣ зависимыми. Всѣ качества, которые, повидимому, принадлежать этимъ вещамъ, зависятъ отъ тѣхъ существъ, которые ихъ видятъ, слышать, обоняютъ и проч., вообще говоря, *чувственно воспринимаютъ* и далѣе *мыслятъ* ихъ или дѣлаютъ о нихъ предположенія: такъ что, если отнять отъ нихъ эти, приписываемыя имъ нами качества, то у нихъ рѣшительно ничего не останется, въ чемъ бы могло быть признано ихъ собственное существованіе, которое становится при этомъ совершенно немыслимымъ. Иначе говоря, *вещи* окружающаго насъ міра *существуютъ* не сами по себѣ, а только, такъ сказать, *въ другихъ существахъ*, или, говоря точнѣе, *въ актахъ восприятія* ихъ другими существами и помимо такихъ актовъ существованіе этихъ вещей немыслимо и должно быть признано нами

призрачнымъ или кажущимся. Признавать существование этихъ качествъ *онъ воспріятія* было бы, по моему, просто *противоречіемъ*, потому что такимъ признаніемъ уничтожалось бы само основное и исходное понятіе о нашемъ воспріятіи качествъ вещей. Эти качества тогда должны быть понимаемы уже *не какъ воспринимаемыя нами*, а какъ существующія въ двухъ независимыхъ другъ отъ друга экземплярахъ: одно существование было бы въ вещахъ, а другое—въ насъ.

Вотъ что я, кажется, достаточно выяснилъ въ нашемъ разговорѣ или, по крайней мѣрѣ, желалъ выяснить.

Серебрякова. Я не согласна съ вашимъ итогомъ, но теперь мнѣ некогда; и я ухожу (посмотрѣвши въ окно). Да, вотъ, уже Поспѣловъ съ Красоткинымъ и Синайскимъ вошли въ ворота. (Уходитъ).

Катерина Ивановна (говоря ей вслѣдъ). Такъ велите же пригото-
влять завтракать, а мы пока пойдемъ въ гостинную.

Сократъ. Такъ, значитъ, мы съ вами, Иванъ Федоровичъ, побѣ-
сѣдуемъ уже послѣ завтрака, а я, пока накрываютъ на столъ, пойду
пройдусь по саду.

Пока хозяева размѣнивались съ вновь прибывшими гостями при-
вѣтствіями и разговорами, накрыть былъ столъ и поданъ завтракъ.
Когда всѣ размѣстились вокругъ стола, пришелъ изъ саду и Сократъ
и, поздоровавшись съ вновь прибывшими, сталъ обозрѣвать бутылки и,
увидавъ старку, спросилъ Катерину Ивановну: „какъ, сегодня пола-
гается вашимъ гостямъ пить старку? Ad libitum, т. е., какъ угодно,
или же съ ограниченіемъ?“

Катерина Ивановна. Разумѣется, что я, какъ хозяйка, желаю,
чтобы мои гости кушали и пили безъ всякихъ ограниченій, а какъ
хотятъ. Кстати, для старки я завела особыя рюмочки, которыя и
поставлены передъ каждымъ приборомъ. Тутъ она указала Сократу
рюмочку, которая была даже меньше, чѣмъ обыкновенный ликерный.

Сократъ. Но не есть-ли этотъ наперстокъ подлинное овеществлен-
ное ограниченіе?

Катерина Ивановна. Нисколько! Пейте, сколько угодно. Только я не видала, чтобы кто-либо пил водку залпомъ, рюмку за рюмкой.

Сократъ. Понимаю, значитъ, ограничение-то есть, но только въ замысловато прикрытой формѣ! Такъ и запишемъ!

Начавшійся этимъ инцидентомъ завтракъ прошелъ весьма весело; и когда послѣ него былъ поданъ чай, то Сократъ обратился къ Ивану Карамазову съ предложеніемъ высказать свои недоумѣнія, о которыхъ онъ говорилъ до завтрака.

Карамазовъ Иванъ (обращаясь къ Сократу). Каюсь вамъ, что и я сильно недоумѣваю, по поводу того, что вы при мнѣ сказали, разговаривая съ Анной Михайловной. Вѣдь, кажется, мы также непосредственно *видимъ* и *сознаемъ* существованіе другихъ вещей, какъ и себя: не съ чужого голоса или указанія я, напр., *вижу* и *знако*, что вотъ это (указывая въ окно) дерево, а то—стѣна; вонъ тамъ лежить собака, а вотъ тутъ прошелъ дворникъ. Точно также и здѣсь, въ комнатѣ я самъ, независимо отъ другихъ, вижу и васъ всѣхъ, и мебель, и кота на стулѣ, словомъ все, что меня окружаетъ. Пусть цвета, звуки или запахи сами по себѣ не существуютъ; но, вѣдь, я то вижу, слышу и обоняю ихъ непосредственно самъ. Я могу согласиться, что въ мое воспріятіе этихъ вещей *входитъ что-либо* отъ меня, но, вѣдь, не все же. Да и это привходящее отъ меня не имѣеть-ли своего *полова* и *причины* въ вещахъ же? Такъ или иначе, но оно, вѣдь, должно *соответствовать* вещамъ и ихъ свойствамъ? Вотъ въ чемъ, я недоумѣваю и не могу согласиться съ вашимъ утвержденіемъ, что эти вещи не существуютъ.

Сократъ. Хотя я и признаю, что ваши недоумѣнія имѣютъ за себя основанія; но, къ сожалѣнію, они соединены съ недоразумѣніями, въ которыя вы впали, благодаря *неточности* выраженій и *смышенію* понятій и терминовъ, господствующему въ современной философіи и психологіи. Такъ какъ въ сдѣланныхъ мнѣ вами выраженіяхъ весьма сложно переплетены положенія, съ которыми я согласенъ, и положенія, съ которыми я не могу согласиться, то я и по-

зволю себѣ сдѣлать на эти возраженія свои замѣчанія такъ, чтобы вамъ легко было судить, въ чёмъ и почему мнѣ вообще придется съ вами разойтись.

„*Во-первыхъ*, я долженъ замѣтить, что у васъ *двеъ различныя мысли* поставлены такъ, что будто онѣ составляютъ какъ бы продолженіе или доказательство одна другой. Такъ, вы, сказали, „что мы видимъ и сознаемъ другія вещи такъ же непосредственно, какъ и самихъ себя“, вслѣдъ затѣмъ прибавляете, что „вы видите ихъ и знаете“ (конечно, прибавляя мысленно слово: непосредственно). Оставляя пока въ сторонѣ словечко: „видѣть“, я скажу, что говоря точно мы непосредственно сознаемъ только свое существованіе. Всякое же другое существованіе, прибавлю я, мы сознаемъ и знаемъ *посредственно*, т. е., путемъ вывода. Зависятъ эти ошибочные выраженія у васъ, по моему, отъ смѣшения двухъ понятій: сознаніе (въ тѣсномъ смыслѣ) непосредственное и первоначальное и сознаніе (въ широкомъ смыслѣ) посредственное и производное. Послѣднее всегда есть продуктъ мышленія, именно того акта, который мы называемъ выводомъ, хотя можемъ и не сознавать совершение этого акта и дѣйствовать въ немъ безотчетно, а потому и считать простѣйшіе акты вывода за нѣчто первоначальное и сознаваемое непосредственно. Въ непосредственномъ же актѣ сознанія мышленіе совсѣмъ не участвуетъ. Первоначальное и непосредственное сознаніе принадлежитъ и маленькимъ дѣтямъ и животнымъ; мышленіе же у дѣтей, хотя въ весьма неясной формѣ и на самой низшей ступени развитія, можно положить начинающимся приблизительно съ двухлѣтняго возраста. Что же касается до выраженія: *знать непосредственно*, то оно ошибочно и не точно. Знать всегда можно только *посредственно*, т. е., путемъ, хотя бы и не сознаваемаго ясно вывода. Что же касается до выраженія: *видѣть*, то вообще оно употребляется *не точно и фигулярно*, а потому и производить значительную путаницу въ мысляхъ. Такъ, хотя мы ежеминутно такъ выражаемся, но „видѣть вещей“ нельзя, а можно только—цвѣта съ ихъ оттенками; нельзя также и *слышать*

вещей, а можно только — звуки и ихъ сочетанія. Говоря точно, и осязать *вещей* нельзя; а въ нашемъ мнимомъ осязаніи *вещей* мы ощущаемъ только гладкость, шереховатость, мягкость и т. п. Чувствовать въ мускульномъ чувствѣ сопротивленіе, твердость, давленіе *вещей* нельзя, а можно только ощущать тѣ специфическія состоянія, которыя называются именемъ давленія, сопротивленія и проч. Ощущать холодныя и теплыя *вещи*, въ точномъ смыслѣ слова, также нельзя, а можно только просто испытывать состоянія теплоты или холода и т. д. безъ конца. То же, что понимается и называется нами вещью, есть продуктъ не чувствъ или ощущеній, а нашего мышленія, выражавшагося или чисто въ понятіяхъ или же въ соединеніи ихъ съ образами фантазіи, и нигдѣ больше не существуетъ кроиѣ, какъ въ актахъ воображенія и мышленія моихъ, вашихъ, Катерины Ивановны и проч. Нѣть этихъ актовъ, нѣть и *вещей*...

Серебрякова. Какъ? Значитъ, если я вотъ теперь вижу и шупаю эту тарелку, то она только и существуетъ, что въ это время, а если я оборочусь назадъ, и не буду ее видѣть и щупать, то она больше уже и не существуетъ. (Обращаясь къ Алексѣю Карамазову). Ну, не правду-ли я говорила, что онъ всѣ вещи считаетъ *нашими фантазиями*.

Сократъ. Да, я несомнѣнно думаю, что видимый вами цвѣтъ и осязаемая гладкость тарелки уже больше для васъ и не существуютъ, когда прекратятся ваши акты видѣнія и осязанія. Что же касается до смысла, въ какомъ я называю вещи *продуктами фантазии*, о томъ у насъ будетъ рѣчь еще впереди.

Серебрякова. Но, вѣдь, если прекратится мой актъ видѣнія и осязанія, то все-таки видимая и осязаемая свойства тарелки продолжаютъ существовать. Если я не буду ее видѣть, то вы и другое будете ее видѣть и считать существующею.

Сократъ. Во-первыхъ, не видѣть и не осязать тарелки нисколько не исключаетъ возможности считать ее существующею. Такъ и вы сами, если отвернетесь отъ нея, то въ вашемъ актѣ мышленія она

все-таки будетъ продолжать свое существование. (Улыбаясь). Вотъ касательно меня такъ дѣло будетъ совсѣмъ иначе. Я, и видя бѣлый цвѣтъ тарелки, и осязая ея гладкость, все-таки не буду понимать ее существующую, потому что я, относимыя обыкновенно людьми къ тарелкѣ, бѣлый цвѣтъ и гладкость, отношу не къ ней, а *къ себѣ, подлинному ихъ носителю*. Во всякомъ случаѣ никакой бѣды нѣть въ томъ, что во время вашего акта видѣнія и осязанія тарелки ея бѣлизна и гладкость существуютъ, конечно, для васъ, а во время прекращенія акта они исчезаютъ, тогда какъ для меня и другихъ этотъ цвѣтъ и гладкость могутъ оставаться попрежнему. Вѣдь, и то, и другое происходитъ не вслѣдствіе какого-либо безсмысленного произвола или волшебства, а просто въ силу съ одной стороны перемѣны въ вашемъ метафизическому взаимодѣйствіи съ тѣми субстанціями, значкомъ которыхъ служитъ тарелка, а съ другой въ силу продолженія у меня и другихъ лицъ прежняго взаимодѣйствія съ ними же. Опять повторяю свое, уже ранѣе высказанное положеніе, что тѣ свойства, которыя мы приписываемъ вещамъ въ такъ называемомъ нашемъ чувственномъ воспріятіи ихъ, существуютъ только *въ акты ихъ воспріятія*, но ни какъ не внѣ этого акта или въ вещахъ самихъ по себѣ.

„Теперь я, добавивши нѣчто къ сказанному выше о словечкѣ: *видѣть*, опять обращусь къ моимъ замѣчаніямъ, вызываемымъ вами, Иванъ Федоровичъ, возраженіями. Когда мы, какъ сказано выше, употребляемъ слово *видѣть*, метафорически, то оно замѣняетъ собою выраженія: узнаю, знаю, заключаю, догадываюсь и т. п., однѣмъ, словомъ заключаетъ въ себѣ многіе акты не только чувственного воспріятія, но и воображенія съ мышленіемъ. Поэтому, если бы мы говорили правильно и точно, то вместо выраженій: я вижу стѣну, собаку, дворника, кота, мебель и проч., слѣдовало бы сказать: по видимымъ мною цвѣтамъ и оттенкамъ я заключаю о стѣнѣ, собакѣ, дворнике и проч.

„Слѣдя за вами въ дальнѣйшихъ вашихъ мнѣніяхъ, я

не могу оставить безъ замѣчанія ваше мнѣніе, что въ наше воспріятіе окружающихъ вещей *не все входитъ* отъ нась, а если что и входитъ, то оно имѣстъ свой поводъ и причину въ вещахъ же и какъ-либо соотвѣтствуетъ ихъ свойствамъ. Мнѣ слышится въ этихъ словахъ какъ бы возвращеніе, употребляя кантовскіе термины, съ пути *критицизма* на старую дорогу *догматизма*. Мнѣ кажется, что вы, соглашаясь отнять у вещей: цвета, звуки, запахи и проч., оставляете за ними нечто для нась неприкосновенное, такъ что въ нашемъ чувственномъ воспріятіи одна его часть привносится нами: цвета, звуки, запахи и проч., а другая какъ бы переходитъ въ это воспріятіе *прямо изъ и отъ вещей*, такъ что оно есть отчасти полная копія вещей, а отчасти какъ бы украшено нами. Затѣмъ мнѣ остается только узнать, что же именно, по вашему, переходитъ прямо въ нась отъ вещей, какія свойства ихъ бытія.

Карамазовъ Иванъ. Охъ! я вижу, что вы хотите приширать меня къ стѣнѣ и боюсь, что мнѣ не удастся увернуться отъ затрудненія. По моему, тѣ качества въ вещахъ переходятъ въ нась, которыя усматриваются въ нихъ самимъ разумомъ, безъ помощи чувствъ и даже вопреки имъ, а именно свойства, которыя вполнѣ ясны и понятны для разума, а потому, по мнѣнію Декарта, могутъ быть названы математическими, напр., *протяженность, непроницаемость, величина, форма и движение*. Качества эти при всѣхъ измѣненіяхъ вещей не отдѣлимы отъ нихъ. Позже Локкъ называлъ эти качества *первичными* сравнительно съ *вторичными*: цветами, звуками, запахами и т. д. По мнѣнію этихъ философовъ, вторичные качества вещей происходятъ отъ *толиковъ* или *ударовъ*, производимыхъ на наши чувства чрезвычайно маленькими и не подлежащими воспріятію частицами тѣлъ. Разнообразіе же чувственныхъ представлений зависитъ отъ различія видоизмѣненій въ фигурахъ, величинъ и числѣ этихъ частицъ. Сколько мнѣ известно, эти мнѣнія подтверждаются и теоріями современныхъ физиковъ и физіологовъ, по которымъ толчки и движение, происходящіе во внѣшнихъ тѣлахъ продолжаются въ органахъ

чувствъ и нервахъ и доходить до мозга, гдѣ и становятся ощущеніями. Значитъ, первичныя качества тѣлъ, говоря языкомъ Локка производятъ впечатлѣнія на душу, какъ бы дѣлаютъ въ ней при нашемъ воспріятіи свои оттиски или отпечатки. Вотъ что я разумѣю подъ тѣмъ, что называю соотвѣтствіемъ качествъ вещамъ.

Сократъ. Къ сожалѣнію, я не могу согласиться съ этой теоріей, не смотря на то, что, какъ вы справедливо говорите, современное естествоизданіе стоитъ на ея же почвѣ, и если иногда можетъ различаться съ ней, то только терминологіей и словеснымъ выраженіемъ. По моему, и эти, такъ называемыя, первичныя качества вещей существуютъ точно такъ-же *только въ актахъ воспріятія*, какъ и вторичныя; и тѣ и другія одинаково составляютъ *нашу принадлежность*, ошибочно относимую нами къ вещамъ, а вовсе не самихъ вещей. Какъ цветъ или запахъ вещей принадлежить имъ только въ нашемъ мышленіи (мнѣніи), такъ въ мышленіи же принадлежить имъ и протяженность, непроницаемость, фигура и пр.

„Высказанную сейчасъ мысль я попытаюсь для вашего убѣжденія подкрѣпить нѣкоторыми разъясненіями.

„Во-первыхъ, конечно, было бы безуміемъ понимать, что первичныя качества вещей: протяженность и проч., переходять въ актъ воспріятія прямо изъ вещей въ насъ, потому что какъ бы мы ни смотрѣли на душу: или какъ на духовное существо, или же какъ на материальный двигающійся въ тѣлѣ и черепѣ мозгъ—во всякомъ случаѣ, чтобы удержать понятіе воспріятія, немыслимо предполагать прямое перемѣщеніе вещей изъ внѣшняго міра въ насъ *); значитъ, нужно понимать предположеніе перемѣщенія такъ, что перемѣщаю-

*) Хотя, впрочемъ, одинъ весьма почтенный философъ (Ибервегъ), желая быть послѣдовательнымъ реалистомъ, дѣлалъ предположеніе, что будто вся наша вселенная съ ея свѣтилами, звѣздами и пр. заключается въ реальныхъ предѣлахъ нашей головы и мозга; то же, что голова наша кажется намъ маленькою, это онъ считалъ оптическимъ призракомъ. При этомъ вовсе нельзя сказать, чтобы эта гипотеза Ибервега представляла диковину безсмыслицу, но, напротивъ, была проведена имъ не безъ остроумія.

Прим. ред.

щееся въ нась, вполнѣ похоже на то, что существуетъ въ вещахъ. Однако, и такъ выраженную гипотезу допустить мы тоже не имѣемъ никакихъ основаній, потому что душа во всякомъ случаѣ имѣла бы, хотя и сходный, но все-таки только оттискъ вещи, въ который непремѣнно внесла бы что-либо отъ себя, вообще восприняла бы протяженность и прочія качества вещей какъ-нибудь по своему, подобно тому, какъ мы должны признать различія въ оттискахъ, напр., одной и той же вещи въ разныхъ материалахъ, зависящія отъ этихъ материаловъ, напр., воска, сургуча, литографического камня, бумаги, фотографической пластиинки и проч. Но еще далѣе отходилъ бы отпечатокъ отъ вещи въ такомъ случаѣ, если бы мы представляли сходство воспріятія съ вещью такъ, какъ, напр., сходны одно и то же слово, сказанное и написанное буквами. Наконецъ, если принимать въ точномъ и буквальномъ смыслѣ воспріятіе протяженности, непроницаемости и прочихъ первичныхъ качествъ вещей, то это значило бы, что кромѣ вещей, существующихъ самихъ по себѣ, количество ихъ увеличивается во столько разъ, сколько воспринимающихъ ихъ душъ.

„*Во-вторыхъ*, тотъ, кто отрицає у вещей реальность цвѣтовъ, звуковъ, запаховъ и т. п. вторичныхъ качествъ, вмѣстѣ съ тѣмъ отрицає у нихъ и *реальность первичныхъ*, потому что протяженное и непроницаемое и проч. не можетъ быть мыслимо безъ соединенныхъ съ нимъ цвѣта, гладкости, шероховатости, тепла, холода и проч. Дѣло въ томъ, что представлениe протяженного или непроницаемаго тѣла никакъ не можетъ быть построено изъ другого материала, кромѣ какъ данныхъ нашихъ чувствъ: зрѣнія, осязанія, мускульного ощущенія и проч. Математикъ, конечно, не нуждается въ чувственныхъ качествахъ своихъ геометрическихъ тѣлъ, рассматривая ихъ *in abstracto*, но тѣмъ не менѣе, все-таки, помимо его воли, онъ, во-первыхъ, свои математическія тѣла невольно и незамѣтно для себя какъ-либо окрашиваетъ или ощущаетъ и проч. въ фантазіи, а во-вторыхъ прежде чѣмъ онъ начнетъ строить математическую абстрактную науку, онъ знакомится съ тѣлами физическими, т. е., мягкими, твердыми,

цвѣтными и т. п. Впрочемъ, все это было весьма вѣрно указано знаменитымъ критикомъ локковой теоріи: „первичныхъ и вторичныхъ качествъ тѣлъ“, Берклеемъ.

„Въ третьихъ, скажу я въ заключеніе, для насть неизбѣжна альтернатива, что или мы должны вообще отказаться отъ понятія о воспріятіи нашою душою, какихъ бы то ни было, свойствъ и качествъ вещей, или же мыслить это понятіе такъ, что въ актѣ воспріятія качества не переходятъ изъ вещей въ душу, подобно тому, какъ содержимое одного сундука перекладывается въ другой и далѣе не представлять себѣ, что эти качества суть копія съ вещей въ родѣ того, какъ списывается копія съ оригиналной картины и т. п. Однимъ словомъ, чтобы выразить возможно яснѣе мое мнѣніе объ отношеніи воспринимаемаго къ воспріемлющему, я скажу, что, если бы даже вещи, на самомъ дѣлѣ, были протяженными, непроницаемыми, цвѣтными, звучащими, пахучими и проч. и проч., то въ актѣ воспріятія икакъ не могло бы оказаться этихъ свойствъ, а напротивъ, они, т. е., свойства, символизировались бы какъ-либо совершенно иначе. Итакъ, повторяю я, или вовсе нетъ никакой воспринимающей души и нѣтъ воспріятія; или есть душа, какъ нѣчто самостоятельное, и есть воспріятіе душою чего-либо другого, что не она; но и то, и другое есть не иначе, какъ такъ, что душа отвѣтаетъ по своему, почерпая содержаніе отвѣта изъ своихъ собственныхъ средствъ, способностей и дѣйствій, на возбужденіе или, такъ сказать, на запросъ, полученный отъ вещей, т. е., отъ того, что, по понятію своему, не она, а другая или другія субстанціи, съ которыми она вступаетъ во взаимодѣйствіе“ . . .

Сказавши эти слова, Сократъ замолчалъ, и когда Карамазовъ, какъ бы задумавшись надъ ними, ничего не отвѣталъ, то къ нему обратился Красоткинъ съ слѣдующими словами: „позвольте мнѣ, Иванъ Федоровичъ, въ вашу бесѣду съ Сократомъ Ивановичемъ вставить отъ себя нѣсколько словъ, которые, можетъ быть, поохладятъ философскій эротъ, которымъ онъ ужъ черезчуръ разогрѣлся. Съ нимъ,

вѣдь, есть только одна возможность разговаривать, не попадая въ какую-нибудь трущобу—это неуклонно стоя на почвѣ *фактовъ точной науки*. Какъ же скоро въ разговорѣ съ нимъ вы заинтригуйте о Декартѣ, Локкѣ и другихъ философахъ, такъ онъ непремѣнно заведеть васъ въ какое-нибудь пустое мѣсто, гдѣ кромѣ „я“ да „не я“ ничего и никого нѣтъ.

Карамазовъ Иванъ (къ Красоткину). Съ большимъ удовольствиемъ уступаю вамъ право возраженія Сократу Ивановичу, а самъ послушаю, да прообразумаю все до сихъ поръ имъ сказанное.

Сократъ (прикрывая рукою зѣвокъ). Я, конечно, не прѣчь отъ того, чтобы Николай Ивановичъ вывелъ меня изъ *философскаго мрака* на свѣтъ *точной науки*, но только прошу маленько извинить мою усталость и отпустить меня часика на два въ хозяйствій кабинетъ для погруженія въ объятія Морфея.

Послѣ этого Алексѣй Карамазовъ предложилъ дамамъ и остальнымъ присутствующимъ прогуляться до обѣда въ паркѣ.